Илья Муромец

Как во том ле было прежде городе Муроме,
Кабы жил кабы был тут нонь стар казак,
Кабы стар, пишут, казак Илья Муромець:
Он сидел-то на печиньке-то тридцеть лет,
Не имел при себе он как ведь рук ле, ног.
Как ушли его нонь отець ле, ноньце матушка,
Он осталса на пецьке на муравленке.
Как пришли ле тут две калеки нонь убогея,
Как зашли ноньце к ему, Богу помолилися,
Говорят они старóму Илье Муромцу:
«Ох ты ой еси, старыя Илья Муромеч!
Ты ставай-ко ноньце с печеньки муравленой».
Говорит на то старой им, ётвет дёржит:
«Ох вы ой еси, как люди нонь хрещоныя!
Я сидю ноньце на пеценьке земляноей, право,
Я невного нонь, немало, ровно тридцать лет».
Говорят ему калеки во второй након:
«Ты ётведай-ко, ставай ноньце как с пеци-то».
Кабы стал ноньце их ле, право, слушатьсе,
Он змахнул ноньце своима рукамы белыма,
Шевелить как стал ногами ноньце резвыма,
Говорят ему калеки таковы слова:
«Слезывай ты ноньце с пецьки земленой, право».
Он как стал ноньце слезывать, право, со пеценьки,
Как задествовали его руки белыя,
Заслужили как его нонь ноги резвыя.
Как говорят ему калеки нонь прохожие:
«Ты возьми как ведро ноньце водяное,
Ты поди-ко нонь сходи как за водой, право,
Ты на ту как нонь на реценьку Карчагу ле,
Принеси-ко ты ведром воды, право».
Он пошел ле, старой, нонь за водой, право,
Он принёс нонь воды, право, ключевоей.
А сидят ле тут калеки, говорят, право,
Говорят они старому Илье Муромцу:

«Ты повыпей-ко же ноньче воды сколько хочетсе».
Говорят тут нонь калеки, его спрашивают:
«Ты учуюл ле нонь в себе, право, цего-сего?»
Говорит ноньце старой, как им ответ дёржит:
«Я поцюл ноньце в себе силу великую».
Говорят на то ищэ калики-то:
«Кабы есь у ’тця, у ’тця ле, нонь у матушки,
Кабы есь нонь у их полё посеяно,
Зашел ноньце скот да кабы топьцет ле,
Ты поди огороди, огороди как ноньце божей дар».
Как юшли-то калеки нонь убогия,
А пошел он как хранить полё ётцовское.
Он завидел в поли ноньци скот ходит,
Он как из поля скота ноньце выганивал,
Кабы полё-то сырым дубьем огораживал,
Он ведь рвал тут как ду́бьицо с кореньицом,
Он оклал, огородил людям на юдивленьицо.
Как пришли его отец ле, ронна матушка,
Как пришли они, увидели свое полё,
Кабы всё оно как дубьями заклажено,
Они тут как бы сами удивилисе:
«Кабы шчо эки чудеса у нас сотворилися?»
Зашли они в комнату свою тёплую,
Как ювидели: старой их сын здоровой стал.
Говорит ноньце старой как отцу, матушке:
«Ох ты ой еси, отец ле нонь родимыя!
Ох ты ой еси, как матушка любимая!
Вы как дай ноньце вы мне было благословленьицо,
Я хоцю ноньце ехать в стольнёй Киев-град,
Я хоцю нонь посмотреть князя Владимера,
Со его любой со матушкой любимоей».
Кабы дали тут ему благословленьицо,
Кабы ехати ему на стольнёй Киев-град,
На своем-то коне ле, право, белыём;
Кабы был-то ю отца его конь белой весь,
Наюбел весь, как белыя куропать,
Его хвос был ле, грива научер-черна.
Кабы стал ноньце старой тут отправлятисе,
Как он в ту ле дорожку старопрежнюю,

Старупрежную дорожку прямоежжую,
На котору поселился кабы Соловей,
Поселился тут ведь Соловей Рахматович.
Он сидит ведь кабы сам-от на сырых дубах,
На тринадцети сидит как мелких падубках;
Кабы были у его ведь сильни заставы:
Кабы первая застава — станичники,
А другая кабы застава — граничники,
Кабы третья была застава — турзы-урзы,
Как турзы эте урзы ёне проклятыя.
Как поехал нонь старой ле в путь-дорожиньку,
Как пришли ведь три ростани, три дорожиньки,
Как стоит ле тут ноньце, право, дубовой столб,
На столбу тут как надписи подписаны,
Кабы подрези кому юказаны:
«Кабы в правоё дорожку идти-ехати,
Как во той ле дорожиньке богату быть;
Как ’ середнюю дорожку, право, ехати,
Во середнёй-то дорожки живому не быть;
Кабы в третью-ту дорожку кабы ехати,
Как во третей-то дорожки жонату быть».
Кабы тут стоит старóй ле нонь роздумалса:
«Кабы що ноньце мне ехать в ту дорожоньку,
Во которой мне дорожоньки богату быть?
А ’ середню мне-ка ехать, как жонату быть?
Кабы лучше я поеду в третью дорожоньку,
Во которой дорожке живому не быть».
Он поехал нонь, старóй ле, в ту дорожоньку,
Во которой как старому живому не быть.
Кабы едёть ближе к городу ко Киеву,
Приежжаёт он ко первоей ле заставе,
Тут стоели как на заставы станичники.
Они близко тут старому приближаютца,
Как хотят они стара ле бити-грабити,
Как хотят они старого испохабити.
Говорит ноньце старой им, как ётвет дёржит:
«Ох вы ой еси, удалые добрые молодцы!
Уж вы потьте ноньце проць от старого,
У старого смерть будёт страховитая».

Как на то ноньце станичники не врандуют,
Кабы ближе все ’ старому приближаютца.
Кабы брал ле в руки палицу жалезную,
Кабы стал он их, поганыих, помахивать,
Как туда-то махнёт — лежат улицьма,
На округ-то поворотит — с переюлками;
Он побил их, проклятых, до единого,
Он опеть же заскакивал на добра коня,
Он ёпеть же поехал ноньце к городу.
Как стрецяёт тут его другая застава,
Тут стоят ле на заставы граничники,
Они тоже кабы ближе приближаютца,
Как хотят они стара ле бити-грабити,
Как хотят его стащить ле со добра коня.
Говорит как им старой нонь таково слово:
«Ох вы ой еси, удалы добрые молодцы!
Вы не бейте как меня ле ноньце, старого,
А старого ведь нонь бить вам не за што,
У старого как взять ле ноньце нечего,
У старого только есь ноньце белой конь,
Кабы конь ведь наюбел ведь бел,
Кабы хвост ле его, грива наючерн-черна;
Ищэ есь только при се ле, право, чуден крес,
Он невного ноньце стоит — во петсот рублей».
Кабы пуще тут прокляты ёсержаютца,
Кабы ближе ле ’ старому приближаютца.
Как на то ле преж старой-от был догадливой,
Он ведь брал ведь в руки палицу жалезную,
Кабы стал же их, проклятых, помахивать,
Он вперед туда махнёт — как лежат улицьмы,
Он прибил как бы всех тут до единого.
А ёпеть же заскакивал на добра коня,
А ёпеть же как едёт как ближе к городу.
Приежжаёт как к посленьнёй ноньце заставы,
Тут стоели как на заставы турзы-урзы,
Как турзы ле урзы, Богом проклятыя.
Как бы ближе ле ’ старому приближаютца,
А хотят ищэ старого бити-грабити,
А хотят они стащить его со добра коня.

Говорит ле им старой как в последной раз:
«Ох вы ой еси, турзы-урзы проклятыя!
Уж вы потьте ноньце проць ёт старого,
У кого у вас как есь нонь молоды жоны,
У кого кабы у вас есь дети малыя».
Как на то они, проклятыя, не врандуют,
Они ближе к старому приближаютца.
Как старой ноньце ведь крепце осержаетце,
Он как брал ноньце саблю свою вострую,
Кабы стал тих турзов нонь помахивать,
Как присек их всех нонь до единого.
Он ёпеть же заскоцил как на добра коня,
Он опеть же едёт в ту дорожоньку,
А котора как идёт ле ноньце к Киеву.
Приежжает нонь ко подкопу как первому,
Как глубокой ле подкоп тут ископанной,
Во подкопи-то копьиця поставлены.
Как завидел старой тут глубок подкоп,
Он приправил своего коня доброго
Как скочить ле через тот глубок подкоп,
Как повыскочил его ле ноньце доброй конь.
Кабы опеть нонь как едёт ближе к городу,
Ко другому ле подкопу он подъехал нонь,
Он приправил же своёго коня доброго,
Он стегнул как его нонь по крутым ребрам —
Повыскочил его ле, право, доброй конь.
Он опеть же ноньце едет ближе к городу,
Кабы третей подкоп ноньце ведь стретилса;
Он ведь тут, старой, с конем раздумалса:
Кабы, видно, этот подкоп-от широкой нонь.
Он ведь тоже нонь стегнул как коня доброго,
Кабы тоже как скочил ле его доброй конь —
Он не мог перескочить этого подкопа.
Кабы падал тут старой нонь в глубок подкоп,
Со своим ле со добрым он конём добрыим.
Как во подкопе ведь были, право, копьица,
Как ведь копья-ти были там, право, наставлены —
Проколоться как коню были направлены;
По его ноньце, старому, как по щасьицу,

Кабы копья ле ведь тут нонь роздвигалисе,
Кабы падал тут старой нонь со добрым конем,
Как меж ти ёни ведь копья бурзоменския.
Кабы нонци тут старой-от призадумалса:
«Ох ты ой еси, мой ноньце доброй конь!
Как мы как ноньце станём выздыматисе,
Мы ведь как станём такой беды избавлятисе?»
Кабы был-то тут у старого аркан как шолковой,
Завезал он как одным коньцём своего коня доброго,
А другой-от коницёк берёт в руку правую,
Он змахнулса-стрепенулса ноньце в подкопе —
Он повыскоцил, старой, ноньце из подкопа,
А на ту ле нонь ведь, право, на сыру землю.
Потенул он се арканом коня доброго —
Забрала его как сила молодецькая,
Он повызнял коня он на сыру землю.
А ёпеть же заскакивал он на коня доброго,
Как опеть ноньце как едёт нонь старой казак,
Он как едёт ведь ближе ’ Соловью.
Кабы Соловей сидит там на сырых дубах,
На тринадцети сидит мелких падубках,
Он завидел старого добра молодца,
Засвистел как бы Соловей по-змеидному,
Закрычал как бы Соловей по-звериному —
Подрожала ронна матушка сыра земля,
Как бы сырыя тут дубье расшаталися,
У старого ноньце конь, право, ёбрюшилса,
А припал его как конь ведь на колени-то.
Кабы бьёт его старой ведь по тучным ребрам:
«Кабы ой еси, ты нонь ле, право, доброй конь!
Не слыхал будто вороньяго граянья,
Не слыхал ведь как вороньяго курканья?»
Как скочил ведь как тут конь на резвы ноги,
Как тут ноньце старой ле осержаетце,
Натенул он свой ле, право, тугой лук,
Он направил как бы стрелоцьку калёную,
А калёную стрелоцьку, перёную,
Он направил кабы ей, сам приговаривал:
«Ох ты ой еси, моя стрела калёная,

Ох ты ой еси, моя стрела перёная!
Полети-ко, моя стрелоцька, туда, право,
Ты туда ле ка’, стрелка, куды я велю,
Полети-ко нонь ты Соловью во правой глаз».
Полетела его нонь калена стрела,
Как не падала она ле ноньце на горы,
Как не падала она ноньце на землю,
Залетела, право, Соловью во правой глаз,
Кабы тутэ нонь Соловей свернулса нонь,
Как свернулса ноньце Соловей с сырых дубов;
Как старой-от был ведь Богом он ухватчивой,
Подгонил ноньце под Соловья Рахматова,
Он схватил кабы Соловья на полети нонь,
Привезал его ко степи лошадинноей,
Как поехал-то бы ближе-то бы ’ городу.
Кабы было тут у Соловья деветь доцерей,
Как на всех было взято деветь зетевьей,
Кабы близко тут старой к ним приближаетса;
Как завидели старого неприятеля,
А хотят бы его, право, побить, право.
А сидит тут кабы Соловей на добром коне,
Он сидит ле старым как тут привязаной,
Говорит он как своим любимым зетевьям:
«Вы не бейте ноньце руського бога́тыря,
Не сердите кабы нонь его ле, мо́лодца,
Уж вы лучше унижайтесь нонь добры́м концом,
Как просите нонь: миня он не спустит ле».
Кабы были у его ворота широкия,
Кабы были тут надворотнички тежёлыя,
Кабы кто тут заедет, придавят того,
Говорит ищэ им Соловей Рахматович:
«Не сердите вы как руського богатыря,
Не спускайте как надворотенку тежёлую».
Как опеть же поехал ближе к городу.
Как невного поры-время миновалосе,
Приезжаёт старой как ближе к городу.
Он соскакивал ’ своёго коня доброго,
Привезал как коня доброго к дубову столбу,
К дубову ле ён столбу, золоту кольчу,

Как пошел ноньце типеря во светлу гриню,
Во светлу ле эту гриню княженеческу.
Как заходит он во гриню, Богу молитца,
На все стороны как сам тут поклоняитца,
А князю-то, княгины на ёсобичу:
«Уж ты здравствуешь, нонь солнышко Владимер-князь!
Ох ты здравствуешь, нонь сё матушка Опраксия!»
Говорит ноньце как солнышко, ответ держит:
«Ох ты здравствуешь, удалой доброй молодец!
Ты ёткуль ноньце едёшь, куда прависься?
Ты какого ле отца, какой матушки?
Ище как тя, молодца, имянём зовут?» —
«Из того еду из города из Мурома,
Из того ле я села-жила Карчагова». —
«Ищэ как тя, молодца, нонь именём зовут?» —
«Именём меня зовут ле я как стар казак,
Как бы стар казак я, ноньце Илья Муромець». —
«Уже как ты, поколь нонь ехал, правилса?» —
«Я ведь ехал нонь дорожкой старопрежноей,
Старопрежноей дорожкой, прямоежжоей,
На котору поселилса кабы Соловей,
Поселилса он, сабака, убивал вного,
Убивал он, как грабил людей добрыех,
Он поставил тут заставы великия,
Мне как Бог пособил — я все проехал нонь,
Как побил я тут ведь Со́ловья Рахматова,
А стронил как его я со сырых дубов,
Привязал я ко степи лошадинноей,
Он сидит ноньце у мня как на добром коне,
На добром кони сидит привязаной».
Говорит ле на то солнышко Владимер-князь:
«Ох ты ой еси, стар ле доброй молодец!
Ты садись-ко нонь с дорожоньки попить-поись,
Ты попить ноньце, поись, хлеба покушати».
Как садилса старой ноньце, попил-поел,
Кабы стал его ведь солнышко тут спрашивать,
Кабы стал он ведь тут с ним розговаривать:
«Как неможно ле нонь Соловья завести суда?»
Говорит на то стар ле, как ответ дёржит:

«Как пошли-тко ты ле слуг ле верныих,
Кабы верныих ты слуг ле, неизменныих».
Как пошли эте ведь слуги ноньце верныя,
А подходят они ближе к коню доброму,
Как завидели тут Соловья привязана,
Ужахнулисе они Соловья Рахматова,
Говорят они как Соловью Рахматову:
«Ох ты ой еси, нонь Соловей Рахматович!
Мы как посланы от стара ле казака Ильи Муромца,
Мы как посланы отвезать тебя нонь, право,
Как от той ле от степи лошадинноей».
Говорит кабы им Соловей, ответ дёржит:
«Я не вашима руками нонь привязаной,
Я не вашима руками коню приказаной,
Кто нонь привязал меня к добру коню,
Я того ноньце могу ле, право, слушати».
А зашли эти ведь слуги нонь, народ в гриню,
Кабы сказывают они князю Владимеру:
«Говорил ведь нонь как Соловей Рахматович:
„Я не вашима руками сижу привязаной,
Я не вашима словами сижу приказаной,
Кабы хто меня привязал, того я слушаю“».
Говорит ищэ как солнышко ’ второй након:
«Ох ты ой еси, старой ле Илья Муромец!
Заведи-ко ноньце Соловья в светлу гриню».
Пошел ле старой нонь ко добру коню,
Кабы стал ноньце ён Соловья ётвязывать,
Говорит сам как Соловью Рахматовичу:
«Ты пойдём ноньце как, Соловей, в светлу гриню,
Ты Владимеру-царю на посмотреньицо,
А сторонным ты людям на удивленьицо».
Он завёл ноньце как Соловья Рахматовича,
Говорит на то как солнышко Владимер-князь:
«Ох ты ой еси, стар казак Илья Муромец!
Ты позволь-ко ноньце Соловью засвистеть, право,
Засвистеть кабы ему нонь о полусвиста,
Закричать кабы ему нонь о полукрика».
Говорит ле тут стар таково слово:
«Как велю я засвистеть ему о полусвиста,

Я возьму ле нонь тебя, князя, в руку правую,
А княгину надо взяти в руку левую».
Говорит ноньце старой ле, право, Соловью:
«Засвисти-ко ноньце, Соловей, в полусвиста».
Кабы много тут народу собиралося,
На юдивление как в Киев соезжалисе;
Засвистел он ноньце, Соловей, в полусвиста —
Подрожала ровно гриня княженеческа,
Кабы князь-от, княгина цють не юпали тут,
Простонародие тут все как ровно за́спали.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Дуркина Игнатия Михайловича, 75 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.